

УДК 821.161.1.09"19"

О. А. БарышеваКостромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
vetkasireni-let@mail.ru**КОНЦЕПТ «ПРОЩАНИЕ» В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА
«ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»**

Статья посвящена анализу концепта «прощание» в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой», повести, в которой ведётся поиск ответов на вопросы: какое будущее ждёт человека, с лёгкостью попрощавшегося со своими корнями, и есть ли у этого человека надежда на прощение.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, прощание, память поколений, бездуховный мир, путь-поиск, надежда на прощение.

О. А. BaryshevaNekrasov Kostroma State University
vetkasireni-let@mail.ru**THE «FAREWELL» CONCEPT IN VALENTIN RASPUTIN'S
«FAREWELL TO MATYORA»**

The article is dedicated to the analysis of the «farewell» concept in Valentin Rasputin's novel «Farewell to Matyora». In the novel, the author is concerned with the problem of the future of a person who has easily forgotten its origin and tries to find out whether or not such a person has a hope to be forgiven (words for «farewell» and «forgiveness» are surprisingly consonant in Russian; they are in fact paronyms).

Keywords: Valentin Rasputin, farewell, memory of generations, spiritually impoverished world, searching way, hope for God's forgiveness.

Повесть «Прощание с Матёрой» символична в своём названии. Прощание – это, во-первых, ситуация, возникающая при расставании людей (в том числе и с умершими), сопряжённая с взаимным прощением; а во-вторых, обрядовая просьба о прощении, которая может быть адресована не только к живым, но и к умершим, а также к земле, воде и другим природным стихиям и объектам (1, 326). Вся повесть – это прощание героев с родной землёй и, одновременно, мольба о прощении, что не сохранили то, что даровано им Свыше.

К одному из наиболее значимых эпизодов, рисующих картину прощания, можно отнести финальный путь-поиск героев. Повесть заканчивается символической картиной густого непроглядного тумана, в котором герои блуждают в поисках Матёры: «Павел не помнил, чтобы он когда-нибудь попадал в такой туман ... Глаза упирались в сплошное серое месиво и невольно зажмуривались, закрывались от его близости» (3, 390).

Представители всех поколений, представители обеих сторон – и защитники и разрушители – отправляются на поиски твёрдого берега Матёры. Особого внимания здесь заслуживают те герои, что в начале повести активно участвуют в подготовке к затоплению Матёры, так как именно в этом эпизоде они открываются нам с новой стороны.

Командует управлением катера Воронцов – представитель стороны, разрушающей старое ради новой «красивой» жизни. Он ощущает себя властью, обладающей огромной силой, но все его приказы, по большей части, даются без оглядки на то, исполнимы они или нет. Примечателен эпизод, повествующий о том, как он, собрав людей в дождь, приказывает «ударно» окончить сенокос: «Люди, не перебивая, смотрели на него так, будто он свалился с луны: что он говорит – дождь за окном» (3, 311). Символическое значение приобретает плащ-палатка, в которой прячется Воронцов: все приказы этой власти отдаются из своеобразного панциря, в котором очень удобно не слышать голоса людей: «Но Воронцов, завернутый в плащ-палатку, ничего не видел и не слышал, он токовал своё» (3, 311). Интересен глагол «токовать», характеризующий речь героя, явственно слышим здесь намёк на тетерева, о котором

меткое народное слово сложило поговорку: «глух как тетерев» (1, 156). Духовная глухота Воронцова не позволяет ему услышать сердцем людские страдания при потере родной земли.

Собираясь на «государственное дело» – очистку территории – и отчитывая Павла за то, что тот не увёз Дарью и других старух с Матёры, Воронцов ведёт себя так, будто бы выступает на собрании: «надо понимать задачу», «мне завтра отчет держать», «вы из доверия вышли» (3, 387). Канцеляризм в его речи сочетается с криком, хамством и пренебрежением, чаще всего обращёнными к Петрухе. Воронцов чётко видит своё превосходство над ним и позволяет себе не сдерживаться в обращении: «З-задание! – вскипел он. – З-зад-ание! Мать у тебя почему в неполюженном месте находится, пьяница ты несчастный!» (3, 387); «Не вздумай смуться, – предупредил он Петруху. – Поедешь» (3, 386).

Но, как ни странно, Воронцов и Петруха очень схожи между собой, их роднит беспутность: одинаково глупы и губительны приказы одного и дела другого. Именно потому в финале повести мы находим этих героев «по-братски» сидящими рядом: «Воронцов ... время от времени не забывал расталкивать дремавшего рядом Петруху. Петруха встряхивался, выходил на борт и глухо и безнадежно кричал, едва слыша себя, всё то же:

– М-а-ать! Тётка Дарья-а-а! Эй, Матёра!

Затем возвращался и, наваливаясь по-братски на Воронцова, опять засыпал» (3, 392).

Важной деталью образа Воронцова является лицо и, прежде всего, взгляд: когда он является в дом Павла как представитель «власти», лицо его выглядит «румяным и круглым», он не смотрит, а «зыркает» «круглыми, навывкате глазами» (3, 385); в финале же повести он выглядит растерянно, будто бы уже тоже чувствуя утрату твёрдого берега, сидит затихнув, смирившись, «с опущенной головой», «бессмысленно глядя перед собой красными, воспалёнными за ночь глазами» (3, 227, 392).

Важно отметить и то, как меняется на протяжении повести образ Петрухи: он будто бы светлеет. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил», – замечал герой Ф. М. Достоевского (2, 179). И плохое и хорошее живут в нём нераздельно: пьяница, оставивший родную мать без угла, он обладает в то же время какой-то непосредственностью, которая проявляется, прежде всего, в его речи. Меткой и выразительной становится речь этого героя, когда он рассказывает о своей проделке над сторожем: «Последним заскочил на катер Петруха, со счастливой усмешкой похвалился Павлу:

– Воротилу подпёр. Даже не шевельнулся, спит без задних ног.

– Всё ребячишься? – поморщился Павел.

– Пуш-шай. Сторож, дак сторожи, а не спи как сурок. Проснётся, а выдти – хрен ему» (3, 389).

Верной же, выносящей некий приговор власти, слышится она, когда герой высказывает недовольство представителем этой власти: «Пушай отвечает, – взъярился Петруха. – ... Да пушай человека уважает ... Раскричался! Видали мы таких боевых! Власть!» (3, 387). Презрение и насмешка слышатся в последнем произнесённом им слове, неверие в силу этой власти и её правоту. Сам того не понимая, Петруха произносит верные слова о том, что власть должна отвечать за свои действия и совершать их, уважая мнение народа. Ребячество Петрухи, находящее выражение в проделках его, тоже подчёркивает двойственность характера героя и, видя эту двойственность, начинает вериться в рассказы Катерины о том, как подбирал её беспутный сын бездомных щенков, как скармливал без нормы корове сено. Этот герой начинает вызывать жалость от понимания того, что пропал человек, растратил себя, сбился с пути и никак не может найти его.

Старик Галкин появляется только в финале повести, но значение этого образа велико: не только по возрасту, но и по характеру своему этот герой – представитель старого поколения. Именно он обрывает Воронцова, не обращая внимания на то, что тот – «власть»: «Не кри-

чи, – оборвал его Галкин. – Тут тебе не собрание» (3, 391). И «власть» смиряется перед этой твёрдостью.

Внутренняя сила, надёжность чувствуются в этом герое, он понимает призрачность, ошибочность приказов «власти», проявляющуюся даже в мелочах, и не желает потворствовать глупости: «До Павла донеслось, как Воронцов добивался, чтобы он прибавил газу, но Галкин не подчинился, и ход остался тем же; на полной скорости, чего доброго, недолго залететь на мель – потом кукуй» (3, 390).

Четыре героя плывут на этом катере и важно отметить, что они незаметно для самих себя объединяются: Павел с Галкиным, Петруха с Воронцовым. Первые стоят у руля, пытаются найти твёрдый берег Матёры, их общение между собой не требует слов, им достаточно взглядов и жестов: «...надо брать вправо и пробовать встретить Матёру с другой стороны... Павел неуверенно, только подавая на совет, кивнул Галкину вправо, и тот, обрадовавшись, что не ему одному отвечать за руль, не раздумывая, туда и повернул» (3, 390); «Галкин повернул к Павлу лицо, спрашивая, что делать, куда поворачивать, и Павел в ответ пожал плечами: не знаю» (3, 391). Вторые тоже ищут берег Матёры, но делают это самым знакомым им способом – пытаются вмешаться в действия первых своими бесполезными приказами или замечаниями: Воронцов – бездумно приказывая двигаться на полной скорости, Петруха – замечая: «“Закружали... Закружали... Я говорил”. Ничего толкового Петруха не говорил, ... но как было упустить случай и не намекнуть о какой-то своей, хоть и самому неведомой, правоте – и Петруха его, конечно, не упустил...» (3, 391). Интересен в этом плане эпизод, в котором Воронцов отдаёт Петрухе абсолютно противоречащий здравому смыслу приказ кричать, чтобы те, кто остался на Матёре, их услышали:

«– Кричи.

– Чё кричи? – понял тот.

– Что хошь кричи. Хоть караул. Есть же тут живые люди или что? Может, они услышат» (3, 391).

Воронцов прекрасно понимает, что только Петруха может отреагировать на этот приказ и даже последовать ему, ведь он так же беспутен, как и сам «представитель власти».

Все на этом катере потерянно правят в какую-то пустоту, и здесь явно читается параллель с человеческим обществом, что живёт интересами потребительства, обществом, возгордившимся своей силой и могуществом, обществом, блуждающим в духовной потерянности и пустоте, и не видящим впереди никакого просветления: «...Ничего: ни берега, ни знака какого, ни просветления, одна вязкая и бесконечная ... масса тумана» (3, 392).

Туман в повести становится образом-символом бездуховного мира, в котором каждый из героев потерял твёрдый берег и истинный путь. Туман, как ощущение полной безысходности, как некая критическая черта, за которой пустота, приводит героев к началу осознания ими того, что истинный путь потерян.

Путь-поиск, возникающий в финале повести, это и прощание с землёй и, что особо значимо, поиск её берега. Открытый вопрос финала в том, обретут ли герои твёрдый берег как прощание, им посланное, или всё так же будут блуждать в тумане жизни, в густом непроглядном тумане безверия, путь от которого ими только начат.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2005.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1982–1986.
3. Распутин В. Г. Живи и помни. Повести и рассказы. М., 2002.